

Обычная история

Сидя на лавочке, установленной внуками посреди огорода, у самого колодца, Алексей уже который раз вспоминал, перебирал в уме всю свою непростую, но мало чем отличавшуюся от сверстников жизнь. Нет, не то, что бы он о чем-то сожалел, уж стыдиться-то ему точно не за что было. Но уже который раз, он ловил себя на мысли, что вся его жизнь в основном состояла из работы.

Шутка ли 46,5 лет трудового стажа, почти половина века. И больше половины из прожитых им 87 лет. Да еще одновременно 45 лет пчеловодства, а это тоже труд немалый. Все эти 45 лет он старательно делал записи в свою большую потрепанную тетрадь и теперь, перелистывая ее, разбирая свой собственный почерк, просматривая альбом с семейными фотографиями, или рассматривая прикрепленное над диваном «родовое древо», он уже который раз приходит к мысли – а жизнь то моя удалась, не зря прожил все эти годы, вынес столько невзгод и страданий.

У поколения родившихся в конце 20-х, начале 30-х годов прошлого столетия, судьба навечно переплелась не только с трагедией Великой Отечественной войны, но и с событиями становления советской власти: революцией, гражданской войной, коллективизацией. Мы читаем об этом книги, смотрим фильмы, да ту же «Поднятую целину», например. И кажется нам, что это где-то далеко, о каких-то других, посторонних нам людях. Не касаемо нас. А, если послушать рассказ Алексея о нем самом, о его сверстниках, начинаешь понимать, нет, это все рядом, это история наших близких, а значит это наша история. Мы уже к ней причастны.

Род Алексея казачий, его предки Поляковы по линии отца и одной из прабабок – Марины, из станицы Раздорской на Медведице, по линии матери Блиновы-Сергеевы из станицы Кепинской Усть-Медведицкого Округа. Семьи были большими, как всегда было заведено и не скажешь, что такими уж богатыми, хотя у прадеда Андрея Сергеевича Блинова был фруктовый сад, орудия земледелия и кое-какие сбережения. Но сын его Макар Андреевич (уже Сергеев) рано погиб, упав с лошади на учениях, отец Андрей его пережил всего на год, и связь с этой семьей прервалась, так как вдова Макара, прабабка Алексея, после смерти мужа, забрав детей, переехала жить в хутор Кашулин станицы Раздорской – вернулась дамой. Тогда было не принято долго печалиться, нужно было жить, растить детей, устраивать жизнь. Прабабку Алексея звали Мариной, и родилась она в 1872 году в семье казака Дмитрия Кудинова а, когда осталась вдовой ей, было всего 34 года, дочке Марии (матери Алексея) 4 года, а сыну Петру исполнилось 9 лет. Так, что через год Марина вышла замуж повторно за Павла Андреевича Петрова казака хутора

Кашулин и в 1908 году родила дочь Аксиною. Мать Алексея Марию забрали из школы, приставив нянчить младшую сестренку. Чуть позже в семье родились два мальчика Василий и Алексей. Так и жили все вместе, только вот Петр не смог поладить с отчимом, часто уходил из дома, а когда подрос, ушел совсем, устроился работать на железную дорогу.

Грянула Первая Мировая война. Ну, тут дело привычное, казаки были всегда в первых рядах по защите Отечества. Отслужили молебен, собрали и проводили мужчин на службу.

Потом революция. Матери Алексея Марии Макаровне исполнилось 15 лет, она была взрослая и, помня события того времени, не раз впоследствии рассказывала об этом детям.

Сначала мало, кто что понял. Здесь у нас на Дону ритм жизни значительно отличался от других районов России. Другой уклад, свои обычаи. Казаки служили царю и Отечеству, сеяли хлеб, некоторые занимались торговлей, их так и звали «торговые казаки». Проблемы, конечно, были и на Донской земле, уже чувствовалось значительное расслоение и в казачьей среде, да росла нищета среди крестьянства. Однако, никто не помышлял ни о какой революции, разве, что только пришлые, сеяли смуту и подбивали, по большей части крестьян, «разобраться с мироедами». Известие о свержении монарха стало потрясением для казаков Дона. Они не представляли себе Россию без царя.

Становление советской власти, гражданская война разделили станичников, развели по разные стороны. В одной семье отец и сын в одночасье могли стать чужими, стать «идейными врагами». Братья, кумовья, сваты, сослуживцы все оказались втянуты в политику. Они обязаны были поддерживать мероприятия советской власти, нейтралитет не допускался.

Не обошла эта беда и семью матери Алексея. В 1920 году в разгар гражданской войны был убит ее отчим Павел Петров. Это было именно убийство по политическим соображениям. Когда отчим работал на току, прискакал туда же молодой хуторской активист Дидилев и спрашивает его: ты, Павел, за кого, за красных, аль за белых? На что Павел ответил, да мне все равно, что от одних терпим, что от других. И поплатился жизнью за эти слова: активист выхватил нож и зарезал его. Скрываться при этом даже и не думал, будучи твердо уверенным в своей правоте, более того, прискакал к жене Павла Марине и говорит ей: тетя Марин, иди, забери Павла на гумне, я его убил...

И осталась прабабка Алексея опять вдовой, только теперь уже с пятью детьми. Но и эта беда не была последней. Как рассказывала Алексею мать, жили не просто, как и

многие, а после смерти отца и вовсе стало тяжело. Детей нужно было поднимать, самой Марии исполнилось 18 лет, остальные были значительно моложе. Мария помогала матери, как могла, но была инвалидом от рождения - родилась с частично вывернутой внутрь ногой, от чего всю жизнь ходила с костылем, поэтому лучшее, что она умела, это шить и вышивать. Этим и помогала – перешивала станичникам вещи, зарабатывая в основном продукты питания. Ну и еще удавалось пока сохранить некоторые запасы хлеба.

Замуж Мария вышла перед самой коллективизацией, чуть раньше своей сестры Аксины, все же сказывалась инвалидность. Илларион Поляков был моложе невесты, жил на соседнем хуторе, происходил из бедной семьи и уже 10 лет, как потерял отца, который погиб в гражданскую войну, на службе у Деникина, куда попал по мобилизации.

Аксинья же вышла замуж в семью Фирсовых, за Василия Федотовича Фирсова. Эта семья, напротив, была пока еще богатой (по тем временам). Фирсовы крепко стояли на ногах, были староверами и жили одной большой семьей, где существовало четкое распределение обязанностей. Глава семьи Фирсов Иосиф Абрамович был атаманом хутора Кашулин, потерявшим левую руку во время одной из войн по защите Отечества.

Алексей родился в 1930 году и был первенцем в семье. У него уже была двоюродная сестренка Марина Васильевна Фирсова 1928 года рождения, названная в честь бабушки. Дети часто играли вместе. Только не долго. Следующая беда разразилась над семьей совсем скоро – раскулачили и сослали на север всю семью Фирсовых - в Архангельскую область, в том числе и Аксиныю с мужем. А вот внуку, свою тезку, Марина сумела спрятать. Кто знает, чего ей это стоило, но маленькая Марина осталась с бабушкой, и Алексей помнит, как они играли вместе и он звал сестренку «Маришей».

Жили уже очень бедно, вокруг царили нищета и голод. В стране полным ходом шла повальная коллективизация, которая состояла в изъятии у хуторян живности, всего, до единого зерна хлеба, нажитого имущества.

Сейчас уже Алексей знает, что тогда же был раскулачен и сын Блинова Андрея Сергеевича, Митрофан Андреевич Сергеев проживавший в хуторе Ветютнев станицы Кепинской (теперь Фроловский район). Раскулачен, как церковный староста, ведущий

агитацию против советской власти посредством церковных книг. Куда сослали Митрофана, Алексей не знает, но вернее всего на кулацкую точку в район поселка Отрадное – х.Ильменский, х.Отруба. Так, как именно оттуда, по данным ОБД Мемориал призывались на фронт его сыновья Сергеев Егор (Георгий) Митрофанович и Сергеев Василий Митрофанович. Возможно, там проживают их потомки и сейчас.

Многих тогда объявляли кулаками и ссылали на Север или в Казахстан. Дома кулаков разбирали, перестраивали в бараки.

Вот, что рассказывает сам Алексей: «Жили мы в бараках, которые были построены из разобранных домов раскулаченных. Я помню себя с трехлетнего возраста (1933 год) во Фролово. Это был просто хутор Фролов-Лыжин. Отец сначала работал на Мишаткиной мельнице с лошадьми. Жили мы с отцом у Варламовых. Где-то там, на мельнице отец обнаружил небольшие залежи мучной пыли, что позволило нам не умереть с голода. Смертность была ужасная, люди голодали, гибли целыми семьями. Потом отец перешел работать в совхозе Зеленовском трактористом в 1 отделение в хуторе Колешня. Там мы жили до 1936 года. Там родился, а потом умер мой братишка Коля. Умер от нечеловеческих условий жизни. В зимнее время у нас в хате была минусовая температура, и младенец выжить в таких условиях не мог. Позднее по этой же причине умер следующий братик Витя. Отец его очень любил, поэтому и следующего сына, родившегося в 1940 году, так же назвал Виктором. Детство прошло в голоде и холоде...»

Вскоре умерла бабушка Марина. Ее дом забрали под сельский совет. Внучку ее Марину переправили на Север к родителям. Как это было теперь уже никто не вспомнит, то ли кто-то приезжал за ней из Архангельской области, то ли ее просто отправили со следующей партией раскулаченных, но больше Алексей не видел свою сестренку Маришу.

Началась война, а вместе с ней закончилась и детство. Алексею было 12 лет, когда отца забрали на фронт, и вместе с другими детьми он пошел работать в колхоз. Работал извозчиком, пастухом, помощником тракториста, водовозом. Тогда всем было тяжело.

Он помнит, как провожал на фронт отца: «... 12 апреля 1942 года закончилось мое детство, когда отца забрали на фронт в действующую Армию. Провожал я отца один. Мне тот день запомнился до мелочей. Было весеннее половодье. Пришли на станцию, долго сидели, ждали, когда отправки состава. Помню, съели горшок кислого молока. Отец говорил, что я теперь за старшего, просил не бросать мать и братишку Витю. И что бы я обязательно выучил Виктора. Но вот тронулся товарный поезд на Сталинград. Мы с

отцом обнялись, расцеловались. Расплакались. Он побежал, сел на тормоз последнего вагона к сопровождающему поезд. Больше я его не видел. Домой пришел, мать плачет в голос, корова не кормлена. Поднялся на сарай, надергал кормовой соломы и обнаружил, что соломы очень мало, не хватит до новой травы. Таким образом, у меня 12-летнего мальчишки возникла первая взрослая проблема: где взять корм для коровы? Без коровы нам просто грозила голодная смерть...

От взрослых я слышал, что в неурожайные годы скотину спасали тем, что скармливали ей солому с крыши строений и решил поискать в полях прошлогодние растительные остатки. На одном из ближайших полей наткнулся на поле люцерны. Это кормовая культура и она начинала распускать листья. Спустя несколько дней я начал выгонять корову на это поле и она наедалась травы вволю...»

Помнит и бомбежки: «22 июля 1942 года во второй половине дня был совершен первый налет немецкой авиации на город Фролово. В небе появились три звена с ведущим, то есть 10 пикирующих самолетов. Летели они на высоте необходимой для бомбометания и пикирования. Совершили два захода, разбомбили станцию Арчеда и все близлежащие здания и улетели. А близлежащие здания это все Фроловские магазины, которые были сгруппированы возле станции. Там стояли огромные очереди за хлебом и прочим товаром. В первую бомбежку погибло много народа.

Возможно, сказались то, что до этого было несколько учебных предупреждений и бдительность населения притупилось, не поняли, что теперь тревога не ложная. Во время налета, возле одного барака стоял военный обоз. Один из самолетов отделился и сбросил в этот обоз бомбу, она разорвалась и убила женщину, которая бежала к своим детям. Погибла и Варламова, хозяйка квартиры, которую мы снимали, когда отец работал на Мишаткинской мельнице. Я схватил братишку поперек и потащил его в погреб. Мать с костылем, добиралась следом. Отсиделись в погребе, пока самолеты не улетели. С тех пор налеты были через день – по четным числам. Бомбили только станцию, чтобы воспрепятствовать продвижению эшелонов на Сталинград...»

Настал долгожданный день Победы. Вернулись домой фронтовики поднимать разрушенное хозяйство, заново налаживать жизнь. Только не все вернулись, многие сложили головы на полях сражения. Кто-то нашел последний приют в братской могиле,

кто-то так и остался лежать на месте сражения. Не вернулся домой и отец Алексея Поляков Илларион Федорович. Пропал без вести. Не вернулся двоюродный брат Коля, сын Петра Макаревича Сергеева. Нужно было жить дальше, неся боль невосполнимых утрат.

Пока жива была мать, приходили редкие письма с Севера и Алексей знал, что теперь у него, кроме сестренки, есть еще два двоюродных брата Петр и Николай.

В семье сохранились некоторые присланные фотографии, а вот письма, к сожалению, нет. Да и не принято было в нашей стране узнавать судьбы раскулаченных и юридически реабилитация началась только в середине 50-х годов и продолжалась до 1983 года. А он сам сменил адрес в 1960 году, переехав в Михайловку и, вскоре перевез туда же мать.

Но узнать, где и как живут его братья и сестра, всегда было мечтой для Алексея, и с особой теплотой он вспоминал Маришу. Где искать следы семьи мнения разошлись из-за отсутствия адреса. Написали запросы в Архангельскую область, в Комсомольск на Амуре. Внуки и дети написали рассказ на сайте. И вот только осенью прошлого года, через 80 лет (!) после раскулачивания нашлись следы семьи Фирсовых. По электронной почте пришло письмо от дочери Николая Фирсова, младшего двоюродного брата Алексея, которая забив в поисковой строке данные своего деда, попала на сайт, где разыскивается ее семья.

Это письмо Алексей ждал всю жизнь. Он всегда говорит, что у него было две очень важных мечты в жизни: узнать, где погиб его отец Илларион и узнать судьбу своих близких, отправленных в ссылку в Архангельскую область. В 2012 году он организовал поездку в ЦАМО г.Подольска для поиска информации об отце, а уже в 2015 году побывал на месте гибели своего отца и вот в 2016 году узнал судьбу раскулаченных близких. Конечно, нет слов, как печально было ему понять, что уже нет в живых Мариши и нет Петра и Николая, но теперь он многое знает из их жизни. Буквально два месяца назад дочь

Николая прилетала в Россию, они съездили в хутора, когда-то входившие в Раздорский юрт, и установили памятные знаки своим предкам.

И теперь двоюродная племянница Алексея наконец-то знает, откуда были родом ее отец и дед с прадедом и где их корни. А значит, будут знать ее четверо детей - восстановлена, трагически прерванная нить памяти. И где-то, предположительно в Украине затеряны дети и внуки Петра Фирсова, которым тоже вряд ли известно что-то о прошлом семьи и об их Раздорских корнях.

Кому-то этот рассказ покажется чрезмерно большим, но что тут можно сократить? А ведь он только о маленькой части жизни обычного человека живущего в нашем городе, вернее, всего об одном, но важном для него событии. Пожилому человеку очень важно, что-то рассказать и быть услышанным. И, если мы найдем время это сделать, мы можем узнать много нового и интересного. И перестанем быть «киванами не помнящими родства», нужно лишь понять, что многое, очень многое зависит от самого человека, чтобы на склоне лет, передавая воспоминания своим детям и внукам можно было так же сказать, что жизнь прошла не зря...